

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ТЕРМІНОЗНАВСТВА Й ОНОМАСТИКИ

УДК 81'373.6-81'373.2

ЗАМЕТКИ ПО ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ. I

Александр И. ИЛИАДИ (Кропивницький, Украина)

e-mail: alexandr.iliadi@gmail.com

ИЛИАДИ Александр И. РОЗВІДКИ З ЛЕКСИЧНОЇ РЕКОНСТРУКЦІЇ. I

Дослідження присвячене проблемам реконструкції реліктових лексем, які були втрачені в апеллативному словнику, проте збереглися в ономастичному середовищі через його здатність консервувати мовну архаїку (лексичну, морфологічну). Будучи практично невичерпним ресурсом для досліджень із етимології та лінгвістичної реконструкції, ономастика (топонімія й антропонімія) постачає цінний матеріал, корисний не лише для відновлення елементів власного, питомого словника (і навіть цілих фрагментів генетичних гнізд) певної мови, а й для виділення найдавнішого лексичного прошарку, залишеного в ній іншою мовною культурою.

Ключові слова: етимологія, реконструкція, прототип, похідне, топонім.

ILIADI Alexandr I. ETYMOLOGICAL NOTES ON LEXICAL RECONSTRUCTION. I

The paper deals with problems of some relic lexemes reconstruction. These words has been lost in appellate vocabulary, but these one have been persisted in onomastic because nomina propria have a tend to keep lingual archaisms (lexical, morphological). Being practically inexhaustible resource for research on etymology and linguistic reconstruction, onomastic (toponymy and anthroponymy) provide valuable data, which is necessary not only for reconstruction of elements own, inherited vocabulary (even whole fragments of genetic clusters) certain language, but also for determination of the oldest lexical stratum, belonging to another lingual culture. Particularly seven lexical archaisms are reviewed. Two of them can be equally explained as Proto-Slavic words and words, belonging to Iranian lexical contribution in Slavonic toponymic: P-Sl. dial. *bьlkaгь, *bьlkyгь 'chatterer', 'talker', 'talkative' or Middle Iranian eastern *bal-gar 'poppling well'; P-Sl. dial. *xusta 'bush', 'firewood' or Alan. *xusk 'dried-out (well)'. Other (five) toponyms, with a high degree of certainty, can be explained as Scythian and Sarmatian-Alanian onomastic heritage in Eastern Slavic toponymy: *rāz-afša 'water run', *asan[gl]-pord/*san[gl]-ford 'stone river', *jira-gan/*jira-gan 'living source', 'fast creek', 'flowing well', *biš-kan 'healing spring', 'healing well', *asma-rāga-ta 'with stone riverbed', 'flowing across a stone valley' (with suffix of plural, attested in Scythian, Sarmatian and Ossetian nomina propria and appellative lexemes). The value of these reconstructed forms for historical lexicology of Iranian languages can not be overstated, because mentioned prototypes expand our notions about vocabulary of old eastern Iranian dialects. Preliminary results of linguistic investigation are evidenced with data of archeology. With archaeological point of view presence of Iranian (Sarmatian, Alanian) tribes in basins of the Don, Dnieper and Dniester rivers is associated with such archaeological data as Saltov culture (in the Don region), burials of Sarmatian leaders in the Dniester region and left-hand side tributaries of the Dnieper river and etc.

Key words: etymology, reconstruction, prototype, derivative, toponym.

Ономастическая лексика разных классов (антропонимы, гидронимы, ойконимы, оронимы), каждый из которых в свою очередь сам делится на подклассы, представляет собой интереснейший лексический ресурс. Речь идет не о традиционных для профильных исследований *nomina propria* проблемах имени собственного, его свойствах сравнительно с апеллативной лексикой, а о способности его «консервировать» то, что по разным причинам не сохранилось среди имен нарицательных. Иначе говоря, ономастика ценна как реконструктивный резерв для исследователя, работающего в плоскости этимологии, ставящего задачу восстановить утраченные лексические единицы или даже целые фрагменты генетических гнезд, столь необходимые для уяснения реального объема и тематического разнообразия исконного словаря, что не всегда возможно лишь при учете живых апеллативных данных. Однако понятие лексического реликта, «петрификата», отложившегося в антропонимии и топонимии определенного языка, охватывает не только его собственные исконные архаизмы, но также древние чужеродные формы – следы контактов с носителями иных языковых культур. Часто случается так, что разного рода онимы являются проводниками в наше время остатков давно исчезнувших языков, мнение о которых во многом составляется благодаря отпечатавшемуся в ономастике наследию. Рассмотрим несколько примеров реконструкции древних слов на базе восточнославянской топонимии. Есть основания считать, что большинство из них принадлежало словарю иранского населения указанного ареала.

1. Псл. диал. *bьlkaгь, *bьlkyгь или среднеиран. вост. *bal-gar?

В гидронимии нижнего течения Дона (среди левых притоков) отмечено название, исторически существовавшее в таких вариантах, как: *Болгар*, 1686, 1767, 1863 г., *Болгарь*, 1768, 1850 г., *Болгур*, 1749 г. («на речки *Болгире*»), *Болгурь*, 1668 г. («верх *Болгуря*»), *Болгурь колодезь*, 1571 г. («к верх *Болгуря колодезя*»), *Болгор*, 1686 г. («по обе стороны речки *Болгора*»), *Болгурев*, *Болгара*, 1864 г., а также *Балгурев* [8, с. 185; 11, с. 62] и *Балгурь*, 1785 г.

как приток Можи в бывш. Валковском уезде Харьковского наместничества [5, с. 103]. Упомянутые формы имеют колебание вокализма первого слога ($a : o$) и конечного сегмента ($a : u : o$), каковое обстоятельство в сумме с их морфологической пестротой подсказывает, что большинство из них возникло как переосмысление (ср. еще словообразовательное наращение *-ев*) какого-то единого изначального варианта, вполне возможно, существующего и сейчас. В качестве такового можно принять *Болгар*, структура которого допускает два вероятных толкования.

1. Как вероятный славянский лексический архаизм праславянского возраста **bьlk-ary* или **bьlk-ury* – суффиксальный дериват от основы звукоподражательного глагола **bьlkati*, ср. такие его продолжения, как: рус. диал. *бóлкать* ‘болтать’ (тамб.), ‘говорить’ (нижегор., тамб.), блр. *бóвкаць* ‘ныряя в воду, производить звук’ и др. [14 (3: 117–118)]. Прототипы **bьlkarь*, **bьlkyрь* уже рассматривались в литературе по славянской этимологии, и в обоих случаях их реконструкция зиждется на материале, не выходящем за пределы русского диалектного материала (ср. *болхárь* ‘глухарь, гормотун, гремок’, калуж. *балáкирь* ‘шутник, веселый рассказчик’ и пр.) [14 (3: 117, 119)], потому гидроним, локализованный в ареале, исторически входившем в зону влияния русских говоров, только укрепляет базу для реконструкции. Смысловым эквивалентом нашего слова **Болкарь*, **Болкырь* = «Говорун» являются иные «говорливые» водные названия этого же семантического ряда, ср. укр. *Бовкун* – река (*Bovkun*, 1789 г.), *Буркало* – источник в бассейне Прута, *Крику́ха* – река в бассейне Припяти [11, с. 61, 77, 288] и т. п., соотносительные с глаголами *бóвкати*, *буркати*, *бурча́ти*, *крича́ти*.

Вполне убедительное семантически, наше толкование форм гидронима, однако, не является столь же безупречным в структурном отношении. Оно наталкивается на трудности фонетического порядка, а именно: предложенное возведение формы к известным архетипам выглядит натянутым, т. к. неизвестны причины озвончения $k > z$. К ним мы вернемся ниже, а пока приведем этимологию, предполагающую исконность звонкого гуттурального в основе. Так, посчитав z в инлауте этимологическим, Р. М. Козлова зачислила это водное название в список рефлексов псл. **bьlg-ary*, **bьlg-ary*, используя такую реконструкцию для доказательства славянской этимологии этнонима *болгар* и близкой ему топонимии [3, с. 54], но это сомнительно с точки зрения словообразования. Дело в том, что в *болгар* автор выделяет суфф. *-ар-* в агентивной функции или же функции деривации названий лиц по месту проживания, что неприемлемо для речного названия, чья производность от антропонима совсем не очевидна, как весьма спорна и славянская этимология этнонима.

Уместно говорить об иной природе озвончения **Болк-* $>$ **Болг-*, предположив, что название испытало влияние тюркской речи, в частности, форм типа каз. *балгы* ‘пена на воде’ (к общему сходству структуры ср. еще однокоренное пек. *балкыр* ‘взбалтывание воды’, ‘шторм’, ‘волнение’) [10, с. 60] или же прилагательных с суфф. *-гыр* (ср. тат. *-гыр/-гер*). Но не исключен и другой вывод, согласно которому перечисленные варианты сами являются результатом перестройки в славянской речи иноязычного номена.

2. Возможен первоначальный облик **Балгар*, за которым стоит поздняя вост.-иран. лексема **bal-gar*. В ее первой части видим иран. **bal-* – звуко-символический корень, выразивший в том числе и бульканье, бурление [9 (2: 65–66)], а во второй – рефлекс **gāra-/*gara-* (~ **gar-* ‘увлажнять(ся)’, ‘наполнять(ся) жидкостью’), ср. префиксальные образования, употребительные в сфере гидрографической номенклатуры: кл. перс. *āyir* ‘высохшее русло реки’, *ziyal*, *farγar* ‘ручеек, водоем’, пшт. *nyol* ‘водосток; сточная, водоотводная канавка’, а также ср.-перс. *ōyār* ‘отлив’ [9 (3: 153, 154, 155)]. В таком случае варианты с исходом *-ур/-урь* – вторичное явление, продукт дальнейшего словообразовательного освоения славянами чужой формы.

2. Псл. диал. **xusta* или алан. **xusk*?

Укр. *Хуса* (*Хуста*, *Хустка*), 1863 г., совр. *Ху́са*, *-и* – река в Сумской области [11, с. 595]. Название неоднозначно в плане структуры, потому возможны разные мнения касательно его генезиса.

1. Во-первых, бросается в глаза его (*Хуста*) формальное тождество серб., хорв. лексеме *husta* ‘кустарник, хворост’, которая хоть и приводится авторами ЭССЯ под праформой **xusta*

после лехитских продолжений, обозначающих ‘платок’, ‘кусок ткани’, но не получает необходимой семантической трактовки [14 (8: 117)]. Однако если оставить в стороне смысловую разницу ‘кусок ткани (платок)’ и ‘кустарник, хворост’ как филиацию общей семантической базы и признать украинский гидроним еще одним рефлексом **xusta*, то аргументом для этого будет как раз возможность объяснить мотивы номинации *Хуста* через семантику серб., хорв., а благодаря этому прочно привязать *Хуста* к псл. **xusta*. Есть причины думать, что название реки было мотивировано диал. географическим термином, близким по значению серб., хорв. *husta*, ср. ономаσιологически близкие укр. гидронимы типа *Кушуватий*, *Кущеватий Яр* в бассейне Северского Донца, *Хащувате* – поток в Ивано-Франковской обл., *Хворостяная* – балка в бассейне Северского Донца и пр. [11, с. 307, 588, 589] ~ *кущ* ‘куст’, *хаща* ‘чаща’, *хворост*. С другой стороны, принимая в расчет этимологию **xusta* как перфектного причастия **xut-ta* от **xut-*, родственного **xutiti*, **xvatati* [14 (8: 117)], можно предполагать в *Хуста* указание на гидроморфологические признаки водного объекта. Соотношение вариантов *Хуста* и *Хуса* вероятно толковать как корреляцию примарной формы и формы, возникшей после утраты мотивирующего апеллатива и вследствие этого перестройки структуры названия.

2. Во-вторых, *Хуса* вероятно понимать как отражение иранской формы, близкой к осет. *xūs* ‘сухой’, тогда как структурно более сложные *Хуста*, *Хустка* вполне могут указывать на переосмысление **Хуска*, **Хушка* ~ осет. *x_oyusk’* | *xusk’* (æ) ‘сухой’, ‘засохший’, ‘высохший’, ср. особенно скиф. **huška-* как название города восточнее устья Днестра (ныне – *Сухой Лиман*), отраженное греческой графикой в виде Φύσκη [1 (4: 250, 269)]. Мотивация по признаку сильного обмеления и высыхания речки в летний период, ср. многочисленные *Сухие* реки на славянской территории.

Указанная формальная близость вариантов гидронима к осетинским лексемам побуждает видеть здесь аланские antecedенты **xūs* (< **xos*), **xusk*, и скорее даже второй, т. к. есть подозрение, что форма *Хуса*, как и в случае со славянской этимологией, возникла вторично в украинском употреблении как результат редеривации *Хус-ка* (в *Хустка* имеем народную этимологию с *хустка* ‘платок’) > *Хуса*. Флексия *-a* появилась из-за согласования с номенклатурным термином *река*.

3. Сарм.-алан. **rāz-afša*

Укр. *Разавшá*, *-í* – река, л. Турочки л. Клевени п. Сейма л. Десны л. Днестра на территории Сумской обл. [11, с. 456]. В. Э. Орел видел источник названия в иран. **rāz-aspā-* к **rāz-* ‘направлять, гнать’ и **aspā-* ‘лошадь’, причем для второй части предлагался рефлекс осетинского типа (ср. осет. *æfsæ* ‘кобыла’) [6, с. 110]. Эту этимологию неудачно развивает А. К. Шапошников как сармато-туранское **rāz-/*[f]raz-aspā-* ‘сначала (следует гнать) коня’ [13, с. 309]. Однако применительно к названию быстрой реки более оправданным, хотя и менее образным, представляется объяснение из сарм.-алан. **rāz-afša* < иран. **rāz-afša-* ‘водогон’ или ‘гони-вода’, где во второй части представлен суффицированный вариант к **apa-*, **āpa-* ‘вода, поток, река’, т. е. **afš-*, ср. его препозитивное употребление в сложных словах: **afš-čīθra-*, **afš-dāna-*, **afš-dāta-*, **afš-tačan-* [9 (1: 314)].

4. Сарм.-алан. **asan[g]-pord/*san[g]-ford*

Др.-рус. *Снепородъ*, *Снопородъ*, 1152, 1169, 1187 г., *Снепородъ*, 1621 г., *Sliporok*, 1665 г., совр. *Сліпорід*, *-ódu* (форма со *Сліп-* появляется с начала XVIII в.) – река, п. Сулы л. Днестра [11, с. 510]. В этимологической литературе сложилась устойчивая традиция относить *Снепород* к иранскому наследию в восточнославянской гидронимии, восходящая к О. Н. Трубачеву, согласно которому здесь отложилось ср.-иран. **san-pord/*san-ford* ‘стечение, слияние’ ~ осет. *ford* ‘большая река’, скиф. *Пóрата* ‘Прут’ как развитие более древнего **san-parata-* [12, с. 184]. Насколько нам известно, серьезных попыток пересмотреть существующую этимологию или предложить иное лингвистическое решение пока не предпринималось, хотя необходимость в этом есть. Соглашаясь с выделением во второй части гидронима рефлекса **parata-*, позволим себе высказать сомнения относительно арийской приставки **san-*, которая в такой форме органична для индоарийского, однако невозможна для иранских языков, где она еще в праиранскую эпоху закономерно приняла форму **han-* согласно известному позиционному переходу ар. **s* > иран. **h*. И одна из

позиций перехода – начало слова перед *a. А утеря инициального *h в *han-/*ham- (и некоторых иных случаях) в скифо-сарматском (ср. осет. æm-, æn- ‘с, со’ [1 (1: 133)]), оставившем свой след в восточнославянской топонимии, неизбежно должна была привести к форме *an-pord/*am-ford.

На наш взгляд, первая часть сложения представляет собой не приставку, а еще одну лексическую основу – рефлекс иран. *ašanga- ‘камень’ в его среднеиранской форме типа ср.-перс. sang, хс. saṃgga-. Столь же вероятно сохранность *a-, как в парф. asang ‘т. с.’, бактр. асагге (asagge, asaggi) ‘камни, скалы’ (формы приведены по: [9 (1: 238)]), но тогда его исчезновение следует связывать с порчей иранского слова в славянском употреблении. Таким образом, есть основания для реконструкции иранского прототипа как сарм.-алан. *asan[g]-pord/*san[g]-ford ‘каменная река’ (< *ašanga-parata-), ср. иные «каменные» названия вод в бассейне Днепра, среди которых выделяется еще одно иранское – *Самоткáнь*, -i (*Zamochan*) [11, с. 486] = иран. *asma-xan- ‘каменный колодезь’ [12, с. 207] наряду с *Кáмінна*, *Кам’яна́* [11, с. 233].

5. Скиф., сарм. *jīra-gan/*jira-gan

В ареале гидронимии харьковского течения Северского Донца выделяется группа названий с кончным элементом -хон, позднее превратившимся в -хонь, который убедительно толкуют как иранизм хон (хан) или кон (кан) ‘источник, колодезь’. Среди содержащих его названий отмечают такие: *Шолихонь* в бассейне реки Корень, п. Нежеголи л. Северского Донца; *Жирогань*, совр. *Рогань* – левый приток Уды. К северо-западу от этого ареала по соседству с иными топонимическими иранизмами отмечено название *Порохань* = иран. *parata-xan ~ осет. ford ‘большая река’ [7, с. 14–15]. В настоящей заметке нас интересует этимологическая форма *Жирогань*, чей морфологический состав и фонетика не объяснены должным образом. Думается, что в названии отбилось ср.-иран. *jīra-gan/*jira-gan – форма с поздним озвончением иран. *kana- ‘ров’, ‘канал’, ‘источник’, ‘ручей’, ‘колодезь’, которому предшествует адъектив *jīra-/*jira- ‘быстрый, живой’ ~ др.-инд. jīrī- ‘текущий, текущая вода’ [9 (4: 146)]. По виду – древнее сложение, возможно, восходящее к более раннему *jīra-kana-/*jira-xana- ‘текущий колодезь’, ‘живой источник’, ‘быстрый ручей’.

Ослабление смычки в аффрикате дж и превращение её в щелевой ж имело место уже на славянской диалектной почве, где это явление довольно распространено. Касательно вариантов гидронима: старейшая из известных фиксаций названия в «Книге Большому чертежу» документирует его форму под 1639 г. именно как *Жирогань*, тогда как *Ниже-рогань* появляется только в 1659 г. [11, с. 466], скорее всего, как стремление носителей местной топонимии объяснить непонятное слово и вписать его в систему принятых в ней лексических маркеров. Для этого в *Жирогань* как бы восстанавливается «исходная» форма с *Ниже-*, благодаря чему становится возможным выделение нового *Рогань*, и топонимическая микросистема приходит к балансу: есть река *Рогань*, на ином отрезке течения именуемая *Ниже-рогань*. Закреплению такой корреляции способствовал перенос названия реки на контактный населенный пункт (ср. здесь село *Рогань*, 1773 г. [11, с. 466]), т. е. имеем более позднее соотношение: село *Рогань* и река *Ниже-рогань*.

6. Скиф. сарм. *biš-kan

Говоря о контактах ранних славян с ираноязычными носителями Салтовской культуры в Подонье, где обнаружен ареал среднеиранских гидронимов с компонентом *xan, *kan ‘колодезь’, Е. С. Отин высказывает предположение о том, что «в бассейне реки Уды, правобережных притоков верхнего Дона, в верхнем Приосколье и в примыкающих к ним с запада бассейнах Псла и Ворсклы (где тоже имеется отмеченный О. Н. Трубачевым замкнутый «оазис Колодезей в гидронимии Поднепровья») произошло освоение славянами среднеиранского термина хон (хан), кон (кан)» [7, с. 15]. Эта мысль в должной мере подтверждена материалом, однако некоторые из перечисленных ученым гидронимов, являясь композитами с хон во второй части, требуют более подробного толкования, чтобы уяснить характер и семантику первой. Рассмотрим здесь одно из таких названий (ср. выше подобный случай с *Жирогань*). Имеется в виду *Бішкoнь*, *Бішкiнь*, он же *Мокрый Бішкoнь*, 1858 г. – река, п. Деркула л. Северского Донца п. Дона (другое название *Обиток*) [11, с. 392]. Препозитивный компонент вероятно связывать с иранской именной основой,

соотносительной с **baiš-* : **biš-* ‘лечить, исцелять’, ср. авест. г., п. *biš-* ‘излечивающий, исцеляющий’ [9 (2: 62)], т. е. иранский прототип – **biš-kan* < **biša-kana-* ‘целебный источник, колодец’.

7. Скиф., сарм. **asma-rāga-ta*

Укр. речное название *Змарахта* в бассейне Днестра по чисто формальным показателям сопоставляют с другими топонимами, чья примета – исход *-хта* (ср. *Барахта*, *Ворохта*, *Солохта*, где он необоснованно квалифицируется как суффикс), однако дальнейшие шаги к освещению его генезиса не делаются [2, с. 52]. На наш взгляд, попытка ввести *Змарахта* в этот ряд лексем ничего не дает в плане этимологии, поскольку перед нами группа явно гетерогенных образований, где *-хта* – кластер, который с большой долей вероятности может восходить к разным сочетаниям звуков и совсем не отражает реального морфологического членения содержащих его топонимов. Не исключено, что современный облик *Змарахта* – искажение позднего скиф., сарм. **asma-rāga-ta* с препозитивным иранским названием камня и географическим термином **rāga-* во второй части, причем последний снабжен суффиксом собирательной множественности *-ta*. Семантика **rāga-* проясняется при обращении к лексике типа согд. *r’γ* ‘долина’ (ср. топоним *Rāyan*), хс. *rrai* ‘равнина’, перс. *rāy* ‘предгорье, горный склон, луг, поле, зелень’ и пр. [4, с. 70, 143, 144]. Таким образом, **asma-rāga-ta* ‘с каменным руслом, ложем’, ‘текущая’ по каменной равнине, долине’. Плюральная форма на *-ta* изредка встречается в скифо-сарматской и осетинской топонимии, ср. *Наукáта* – река в Ореанде [11, с. 383] = скиф., сарм. **nāvakā-ta* – множественное число от **nāvakā-* ‘лодка, челн’ (вопреки существующей в литературе близкой этимологии, ориентирующей название на др.-инд. *naukā* ‘корабль’).

БІБЛОГРАФІЯ

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка [Текст] / В. И. Абаев. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР; Наука, 1958–1989. – Т. I–IV.
2. Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках / [ред. О. С. Стрижак]. – К. : Наукова думка, 1981. – 263 с.
3. Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідранімія. Праславянскі фонд [Текст] / Р. М. Казлова. – Гомель : ГГУ, 2000. – Т. I. – 262 с.
4. Лурье П. Б. Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии: Дисс. ... канд. филол. наук / Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН. – Санкт-Петербург, 2004. – 305 с.
5. Описи Харківського намісництва кінця XVIII ст.: Описово-статистичні джерела / [упоряд. В. О. Пірко, О. І. Гуржій]. – Київ : Наук. думка, 1991. – 220, [2] с.
6. Орел В. Э. К вопросу о реликтах иранской гидронимии в бассейнах Днепра, Днестра и Южного Буга [Текст] / В. Э. Орел // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 107–113.
7. Отин Е. С. Ареалы славянских гидрографических терминов в топонимии Дона [Текст] // Отин Е. С. Избранные труды по языкознанию. II. – Донецк : Донеччина, 1999. – С. 9–28.
8. Отин Е. С. Гидронимия Дона. Том 2: Нижний Дон [Текст] / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2012. – 791 с.
9. Расторгуева В. С. Этимологический словарь иранских языков [Текст] / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М. : Восточная литература, 2000–2015. – Т. 1–5.
10. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» [Текст] / Э. В. Севортян. – М. : Наука, 1978. – 349 с.
11. Словник гідронімів України [Текст]. – К. : Наукова думка, 1979. – 781 с. + 1 арк. карт.
12. Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация [Текст] / О. Н. Трубачев. – М. : Наука, 1968. – 289 с.
13. Шапошников А. К. Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья / А. К. Шапошников [Текст] // Этимология. 2003–2005. – М. : Наука, 2007. – С. 255–322.
14. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд [Текст] / [под. ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева]. – М. : Наука, 1974–2018. – Вып. 1–41.

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1958–1989). Istoriko-ètimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka [Historic-Etymological Dictionary of Ossetian Language]. Moscow ; Leningrad : AN SSSR.
2. Gidronimija Ukraïny (1981). Gidronimiya Ukraïny v yiyi mizhmovnykh i mizhdialektnykh zvyazkakh [The Ukraine Hydronymy in its interlingual and interdialectal relations]. Kyiv: Naukova dumka.
3. Kazlova, R. M. (2000). Belaruskaya i slavianskaya gidranimiya. Praslavianski fond. Tom I [The Belorussian and Slavic hydronymy. Proto-Slavic stratum. Vol. I]. Gornel': GGU.
4. Lurye, P. B. (2004). Istoriko-lingvisticheskiy analiz sogdiyskoy toponimii [A historical-linguistic analysis of the Sogdian Toponymy]. St. Petersburg.
5. Opsy (1991). Opsy Kharkivs'koho namisnytstva kints'a XVIII st. [Description of the Kharkov vicegerency]. Kyiv: Naukova dumka.

6. Orel, V. È. (1986). K voprosu o relikhtakh iranskoj gidronimii v basseynakh Dnepra, Dnestra i Yuzhnogo Buga // Voprosy yazykoznanija [To the question of relics of Iranian Hydronymy in the Dnieper, Dniester and South Bug basins // Topics in the study of language].
7. Otin, E. S. (1999). Arealy slavianskikh gidrographicheskikh terminov v toponimii Dona // Otin, E. S. Izbrannye trudy po yazykoznaniju. Tom II [Areal of slavonic hydrographic terms in the Don toponymy // Otin, E. S. Selected works in linguistics. Vol. II]. Donetsk : Donechchina.
8. Otin, E. S. (2012). Gidronimia Dona. Tom 2: Nizhniy Don [The Don hydronymy. Vol. II: Lower Don]. Donetsk : Yugo-Vostok.
9. Rastorgueva, V. S., Èdel'man, D. I. (2000–2015). Ètimologicheskij slovar' iranskikh yazykov [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. Moscow : Vostochnaya literatura.
10. Sevortian, E. V. (1978). Ètimologicheskij slovar' t'urkskikh yazykov [An etymological dictionary of the Turkic languages]. Moscow: Nauka.
11. Slovnyk (1979): Slovnyk gidronimiv Ukrainy [The Dictionary of Hydronyms of Ukraine]. Kiev : Naukova dumka.
12. Trubachev, O. N. (1968). Nazvania rek Pravoberezhnoy Ukrainy: Slovoobrazovanie. Ètimologia. Ètnicheskaya interpretatsia [Names of rivers of Ukraine Right Bank: Etymology. Word-formation. Ethnic interpretation]. Moscow : Nauka.
13. Shaposhnikov, A. K. (2007). Sarmatskie i turanskije yazykovye relikty Severnogo Prichernomorja // Ètimologia. 2003–2005 [Sarmatian and Turanian linguistic relics of the Northern Black Sea Region // Etymology. 2003–2005]. Moscow : Nauka.
14. Ètimologicheskij slovar' (1974–2018). Ètimologicheskij slovar' slavianskikh yazykov: Praslavianskij lexicheskiy fond [Etymological dictionary of the Slavic languages: Proto-Slavic lexical stratum]. Moscow : Nauka.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Олександр Іліаді – доктор філологічних наук, завідувач кафедри методик дошкільної та початкової освіти факультету педагогіки та психології Центральноукраїнського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка.

Наукові інтереси: проблеми індоєвропейської етимології, порівняльної граматики індоєвропейських мов та загального мовознавства.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr Iliadi – doctor of Philological Sciences, head of the Department of Methodology of Preschool and Elementary School Education (Volodymyr Vynnychenko the Central Ukrainian Pedagogical University).

Research interest: problems of Indo-European etymology, comparative grammar of indo-European languages and general linguistics.

УДК 81'27

EINIGE ERWÄGUNGEN ZU DEN NEUEN ANSÄTZEN IN DER FACHSPRACHENLINGUISTIK

Bohdan MAKSYMCHUK, Iryna ARABSKA (Lwiw, Ukraine)

email: gp.dep.lingua@gmail.com

МАКСИМЧУК Богдан, АРАБСЬКА Ірина. ДЕЯКІ МІРКУВАННЯ З ПРИВОДУ НОВИХ КОНЦЕПЦІЙ ЛІНГВІСТИКИ ФАХОВИХ МОВ

Всі зусилля традиційної системоцентричної лінгвістики фахових мов зводились до ідентифікації лінгвальних механізмів термінотворення, до вивчення специфіки семантики та словотвору термінів, їхньої ролі в процесах ретермінологізації і детермінологізації, семантичних зв'язків термінологічної і нетермінологічної лексики тощо. Традиційна лінгвістика вважає, що хороший термін має бути однозначним, стилістично нейтральним та позбавленим експресії. Але якщо термін є перш за все елементом живої фахової комунікації, то до його опису слід застосувати адекватні лінгвістичні моделі і, зокрема, лінгвопрагматичну і лінгвокогнітивну парадигму, які передбачають як функціонування терміна так і когнітивну, соціальну та психологічну характеристики учасників фахової комунікації. Це дасть можливість представити в новому світлі такі дискусійні питання традиційного термінознавства як багатозначність терміна, його зв'язки із стилістикою, експресією та метафорикою, яка базується не лише на асоціативному вербальному мисленні, а й на вираженні суб'єктивного ставлення мовця до позамовної ситуації. По новому зможуть бути репрезентовані такі кардинальні питання синтагматичного термінознавства як структура фахової комунікації, роль комунікантів у її породженні і функціонуванні, її жанрові прототи, економія мовних засобів та явища дифузності семантики фахової лексики тощо.

Ключові слова: системне фахове слово, текстове фахове слово, термінологічна метафора, детермінологізація, фахова комунікація, лінгвосистемна, лінгвокогнітивна та лінгвопрагматична моделі дослідження терміна.

MAKSYMCHUK Bohdan, ARABSKA Iryna. SOME REFLECTIONS ON THE NEW CONCEPTIONS OF THE PROFESSIONAL LANGUAGE LINGUISTICS

All efforts of traditional system-centered linguistics of professional languages were reduced to the identification of linguistic mechanisms of terminology, the specifics of semantics and word-formation of terms, their role in the processes of re-terminology and determinism, the connections of terminological and non-terminological vocabulary, and others like that. A good term should be unambiguous, stylistically neutral, deprived of expression; it should have specific valency, specific systemic links in relation to its genetic basis, and should rely on purely intellectual components of the word (descriptive and denotative meaning). Thus, the term was considered an artificial notion, torn off from its true communicative essence, which is its natural environment. It is therefore not surprising that traditional terminology left more questions than answers to the linguistic nature of the term. Since the term is primarily an element of live professional communication, adequate linguistic models and, in particular, a lingual-pragmatic and linguistic-